

С.Н. ПЛОТНИКОВА
(Иркутск)

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Дается теоретическое обоснование понятия дискурсивного конструирования мира, которое рассматривается как неотъемлемая часть социального конструирования мира. Анализируются когнитивные сценарии конструирования мира повседневной жизни и воображаемых возможных миров.

Ключевые слова: *дискурсивное конструирование, дискурсивный мониторинг, когнитивный сценарий.*

Когнитивно-дискурсивная деятельность определяется, прежде всего, характером взаимодействия человеческого сознания с миром. Еще Гегелем были установлены два типа сознания по отношению к действительности – наблюдающее и деятельное, действующее. Наблюдающее сознание у Гегеля – очень сложное, всеохватывающее понятие, включающее в себя дух, всеобщее, разум, рефлексию самосознания и целый ряд других сложных моментов. Действующее сознание определяется им более конкретно: «наблюдающее сознание приводится к действующему сознанию» [4, с. 156]. Действующее сознание создает бытие человека и определяет его единичность и уникальность. «Истинное бытие человека есть его действие, в нем индивидуальность действительна, и оно-то снимает мнимое» [Там же, с. 165]. Гегель устанавливает и сущность действия как процесса: «... действие – чистая форма процесса перевода из состояния невидимости в состояние видимости, и то содержание, которое выносится на дневной свет и проявляется, есть действие уже в себе» [Там же, с. 201].

Действование противопоставляется Гегелем «покоящемуся целому», к которому действие, собственно, и стремится, как «выполненное произведение». Тем самым различается «действительность, которую уже *застали* и которая подлежит в действовании *формированию*. Действование есть именно только чистый процесс перевода из формы еще не проявившейся в форму проявившегося бытия» [Там же, с. 203]. Если учесть, что Гегель вводит также понятие цели действия, то становится ясным, что понятие действа-

ния, которое в современных терминах обозначается как конструирование действительности, определено философом в базовых онтологических аспектах.

Конструирующее поведение как действующее в настоящее время интенсивно изучается в теории социального конструкционизма (конструктивизма). Реальность с точки зрения этого подхода социально конструируется, общий мир повседневной реальности создается людьми в процессе их непосредственного общения друг с другом. Конструирование действительности – это непосредственное существование людей, основанное на их знаниях и текущей деятельности; его суть – постоянное определение своего места в настоящем и поиски нужного будущего [1].

По аналогии с понятием социального конструирования мира мы ввели понятие дискурсивного конструирования мира, базирующееся на положении о том, что в процессе конструирования мир создается говорящим или пишущим как «мир-со-мной», т.е. свойства этого мира зависят от говорящего / пишущего, что отличает «мир-со-мной» от «мира-без-меня», подвергаемого не конструированию, а мониторингу [8; 9].

Продолжая разработку этой проблемы, требуется прояснить ряд вопросов: углубить понимание сущности дискурсивного конструирования и выделить его типы. Если реальность социально конструируется в повседневной жизни людей, то дискурс непосредственно участвует в этом процессе. Существование в мире – это также существование в языке; на это прямо указывается в теории социального конструкционизма. Как пишут П. Бергер и Т. Лукман, «язык реализует мир в двояком смысле слова: он его постигает и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. Иными словами, люди постоянно производят свой социальный мир не только благодаря своим действиям, но и благодаря языку; сама «проговоренность» делает реальность, поскольку то, что не проговаривалось, не существует» [1, с. 104].

Реальный мир находится в процессе постоянного социального конструирования, поэтому любое вплетенное в этот процесс порождение дискурса можно назвать дискурсивным конструированием мира. В процессе дискурсивного конструирования создается мир, в

который говорящий / пишущий полностью вовлечен: он живет в этот момент внутри данного мира и творит его своими действиями и своим дискурсом.

Следует подчеркнуть, что в данной трактовке мир рассматривается как среда, в которой протекает жизнь. Такой мир У. Матурана и Ф. Варела называют «возникающим». В центре биологической концепции мира как жизни находится положение о том, что «возникающий мир с необходимостью прячет свое начало» и что «мы существуем в настоящем; прошлое и будущее – это лишь способы существовать сейчас» [6, с. 215, 217].

В «возникающем», т.е. в непосредственно формируемом здесь и сейчас мире, дискурсивное конструирование представляет собой дискурсивную объективацию ситуаций непосредственного взаимодействия говорящих. Дискурсивная объективация реальности обусловлена прагматическими мотивами – практические действия человека вызывают к жизни соответствующий дискурс. Непрерывное создание дискурса – одна из основ непрерывного формирования мира. Совместно конструируемая жизнь является одновременно и совместно конструируемым дискурсом – непосредственным существованием в дискурсе в конкретный момент времени.

Типичным дискурсивным конструированием мира является бытовое общение – обычный разговор в магазине, на улице, в банке, в транспорте и т.д. Разговор – это чередование закрепленных друг за друга высказываний двух говорящих, осуществляющих единую для них цель «действия». Когда один человек спрашивает другого, как пройти к какому-либо месту, то цель спрашивающего становится и целью отвечающего; во время разговора они объединяются в единой для них дискурсивной деятельности и достигают цели совместными усилиями (вопрос – ответ). В момент порождения дискурса они осуществляют совместное дискурсивное конструирование мира, т.е. его дальнейшее развитие, продвижение вперед (после вопроса и ответа мир стал иным, теперь состоявшееся взаимодействие двух людей является неотъемлемой частью его событийного множества). Подобные короткие, бессистемные, стохастические дискурсивные взаимодействия, конструирующие мир по типу броуновского движения, противопоставляются длительному и системному конструированию мира в стабильных социальных группах, в которых общие цели дискурсивно-

го взаимодействия достигаются на постоянной основе, часто на протяжении всей жизни.

Итак, дискурсивное конструирование – это дискурсивная деятельность по порождению пока еще не существующего бытия. С помощью дискурсивного конструирования создается и объективируется настоящее, поскольку дискурс возникает в текущий момент повседневной жизни (собственно, и создает его). В процессе дискурсивного конструирования мир актуализируется: переводится из состояния невидимости в состояние видимости, при этом дискурс становится само собой разумеющейся, непосредственной реальностью для человека. Конструирование мира осуществляется при помощи когнитивных сценариев действий и дискурса: человек имеет знание того, как действовать и как говорить в конкретной ситуации общения. Дискурсивно конструируется не только мир повседневной жизни, но и иные миры, в частности в художественном, научном, религиозном типах дискурса.

В мире повседневной реальности дискурсивное конструирование настоящего тесно связано с дискурсивным конструированием будущего. В частности, как было установлено в исследовании В.В. Кузнецовой [5], в групповом профессиональном дискурсе в процессе ежедневного общения члены группы постоянно производят свой профессиональный мир, дискурсивно конструируют настоящее, в его сменяющихся друг друга моментах. Однако одновременно они конструируют и будущее, например при обсуждении производственных целей: заключать / не заключать контракт, вводить / не вводить гибкий график работы, покупать / не покупать новое оборудование и т.п. В каждом случае перед членами группы стоит альтернатива: они могут создать два типа своего будущего мира, к примеру мир, в котором контракт будет заключен, и мир, в котором контракт не будет заключен. Когда вариант выбран, обсуждение прерывается, и дискурсивно сконструированное будущее начинает воплощаться в практической деятельности. В целом в этом типе дискурса группа конструирует такое будущее, которое в наибольшей степени соответствует корпоративным ценностям. В процессе дискурсивного конструирования происходит перевод этих ценностей в технические и управленческие задачи; ценностные концепты актуализируются и становятся причинами, направляющими практическую и дискурсивную деятельность.

У сотрудников американских корпораций наблюдается своеобразный конфликтный дис-

курс, который в исследовании В.В. Кузнецовой назван дискурсом управления группой. Члены группы обсуждают негативные качества своих коллег, такие как грубость (*He's so rude to people when they don't do exactly as he asks*), эгоизм (*If he doesn't get what he wants, he behaves like a spoilt child; he never thinks of anyone else*), несправедливость (*It's really not fair on the other members of the staff*) и т.п. Сам процесс обсуждения этих качеств является дискурсивным конструированием корпоративной реальности в настоящем. При помощи дискурса управления группой в данный момент, здесь и сейчас, осуществляется дискурсивное конструирование корпоративной идентичности. Считая указанные качества неприемлемыми, члены группы требуют их замены у своих коллег на необходимые в их профессиональном мире качества. Подобная замена должна произойти в поведении их коллег в будущем, поэтому дискурс управления группой являет собой также конструирование будущей социальной реальности, в которой отрицательные качества существовать уже не будут, – социальная реальность в будущем изменится благодаря ее дискурсивному конструированию в настоящем.

Таким образом, понятие дискурсивного конструирования относится не только к объективации текущего опыта, но и к прогнозированию будущего опыта, планированию фактивности мира в будущем. Сущность дискурсивного конструирования будущего состоит в том, что будущий опыт вначале осмысливается и репрезентируется в дискурсе и лишь после этого, говоря словами Гегеля, выносится на дневной свет и проявляется.

Относится ли понятие дискурсивного конструирования мира к прошлому? На первый взгляд – не относится, поскольку действие человека в его событийном пространстве и его наблюдение за другим событийным пространством представляют собой разные когнитивно-дискурсивные процессы. В первом случае человек осуществляет конструирование мира, в том числе и дискурсивное, во втором – дискурсивный мониторинг мира [10].

Данная особенность человеческой когниции была уже давно замечена учеными, хотя и не обозначалась в таких терминах. Так, Л. Витгенштейн указывает, что «когда человек сам себя продвигает, он направляется вперед и не в состоянии одновременно же наблюдать эту направленность» [3, с. 409]. М. Мерло-Понти подчеркивает мирозозидающую функцию человеческого тела, которое обеспечивает про-

ектирование человека внутри естественно-го мира, и в то же время тело всегда находится в основании другого мира, «подобно тому, как холст лежит в основании картины, делая возможным ее появление» [7, с. 248]. Другими словами, находясь и действуя в одном мире, будучи «спроектированным» в него, человеческое тело способно воспринимать не только данный мир, но также «лежать в основании» наблюдения за другим миром как отдельным, самодостаточным и закрытым событийным множеством.

Это постоянное наличие двух миров, их постоянное удвоение по отношению к обладающему телом – «живому» говорящему – и можно, собственно, представить в виде антиномии мир-со-мною – мир-без-меня. Говорящий телесно и дискурсивно конструирует мир-со-мною, но мир-без-меня закрыт для его тела, он имеет туда только перцептуальный доступ.

Хотя прошлый мир уже сконструирован и в него возможен лишь перцептуальный доступ (например, в семейном видео, кадрах кинохроники, в архивных данных, в письменных источниках эпохи, в музейных экспозициях), такой мир можно переконструировать, создать заново. Дискурсивное конструирование прошлого мира – это дискурсивная репрезентация фактивности мира, отличающейся от его документально зафиксированной фактивности, наблюдавшейся в момент формирования данного мира во всей взаимосвязи и взаимообусловленности имевших место фактов. При дискурсивном конструировании прошлого «конструктор» выдвигает фоновые события на центральное место, меняет местами фон и фигуру, незначимые факты интерпретирует как значимые, организующие вокруг себя все факты мира и обуславливающие их. Дискурсивное конструирование проявляется также в создании новой фактивности прошлого, когда зафиксированные факты подменяются фактами, специально скомбинированными из фактов прошлого, или даже полностью вымышленными конструктами.

Примером дискурсивного конструирования прошлого является фильм О. Стоуна об убийстве американского президента Джона Кеннеди, в котором отстаивается версия о том, что оно было результатом заговора в высших политических кругах США. Известный критик Х. Уайт назвал эту версию мифом, уничтожающим реальность (*obliterating reality*), ведущим к стиранию различий между фактом и вымыслом и к снятию запрета говорить, о чем вздумается [12]. В наших терминах, в фильме Сто-

уна наблюдается переход «в мирах» – от интересубъективного общего мира к миру, сконструированному его автором. Этот мир «зависает» между реальным и художественным мирами, не относясь ни к тому, ни к другому, однако интерпретируется он с позиций реальности, ее непреодолимой фактичности. Х. Уайт приводит высказывания политологов, историков, журналистов, обвиняющих Стоуна в нарушении принципа объективности, в «побеге» от истории (*flight from history*). Такая резкая критика свидетельствует о том, что люди, лично участвовавшие в формировании мира в прошлом и являвшиеся свидетелями событий, негативно относятся к субъективному дискурсивному переконструированию мира, считают его нелегитимным.

На наш взгляд, по отношению к дискурсивному конструированию понятие «мир» является более удобным операциональным понятием, чем «пространство». С помощью понятия «мир» можно лучше осмыслить целостную тотальность и закрытость определенного событийного множества, его отграниченность от наблюдателя, что не всегда позволяет сделать понятие «пространство». Например, во время спортивного состязания пространство спортивной арены незаметно перетекает в пространство трибун, всего спортивного сооружения в целом, но в то же время спортивная арена, на которой происходит соревнование, представляет собой особое место, она как бы окружена незримой границей, за которую нет доступа из пространства трибун. Спортсмены конструируют на этой арене игру как свой мир, зрители за ними наблюдают, а спортивный комментатор сопровождает свое наблюдение дискурсивным мониторингом событий, происходящих в отделенном от него и остальных наблюдателей незримой границей «другом» мире [2]. Тот же самый когнитивный процесс имеет место и во время просмотра зрителями пьесы в театре, однако поскольку в данном случае, в отличие от спортивного состязания, мир конструируется актерами не только физически, но и дискурсивно, то одновременный сопровождающий дискурсивный мониторинг вести невозможно.

В основном непосредственно сопровождающий презентацию мира его прямой дискурсивный мониторинг становится востребованным в том случае, когда этот мир сконструирован при помощи невербального дискурса. Прямой дискурсивный мониторинг производится при телевизионном показе любого визуального ряда (спортивного соревнования, улич-

ных событий, стихийного бедствия и т.п.). Такой мониторинг востребован в музеях, он осуществляется, к примеру, в виде рассказа экскурсовода о мире, изображенном на той или иной картине.

Прямой дискурсивный мониторинг предполагает «главного» наблюдателя, который производит дискурсивную фиксацию увиденного для остальных наблюдателей. Таковыми «главными», или профессиональными, наблюдателями являются журналисты, спортивные комментаторы, экскурсоводы (можно назвать и другие профессии, связанные с постоянным наблюдением за миром: разведчики, секретари-референты и т.д.).

Пересказ прочитанного текста является, по сути, дискурсивным мониторингом представленного в нем мира – фиксацией основного контента текста как отражения устройства этого мира, его главных событий. М. Стаббс [11, с. 194–206] отмечает, что сущность анализа содержания художественного текста заключается в обнаружении базовых пропозиций, отражающих принципиально значимые события, без которых текст теряет свое содержание. Стаббс характеризует такой анализ кулинарной метафорой – читателю следует «помешивать» текст, пока из него не «выпарятся» лишние пропозиции и не «загустеют» основные сюжетные пропозиции (*Stir until the plot thickens: the propositional analysis of text*). Именно эти «выпаренные» пропозиции и составляют дайджест содержания (*digest, summary*) как итоговый результат анализа текста. В текстах, туманных по содержанию, составление дайджеста затруднено. В наших терминах – затруднен дискурсивный мониторинг представленного в художественном произведении мира.

Интересен пример туманного по содержанию текста, приводимый Стаббсом, – рассказ Э. Хемингуэя “*Cat in the Rain*”. Исследователь провел эксперимент – предложил группе преподавателей, студентов и школьных учителей составить дайджест этого рассказа. Все они вначале представили одну и ту же цепочку пропозиций (*The hotel is in Italy. The couple staying at the hotel are American. The wife sees a cat. She goes to get the cat, but it is gone. The wife goes back to her hotel room*). Это – ясное содержание, т.е. очевидные события данного мира. Другие события – менее определенные, соответственно, мнения участников эксперимента разделились. Дайджесты распределились по трем группам, в соответствии с тремя пропозициями, которые выделили участники (*The summaries I have collected are fairly evenly di-*

vided between three different propositions: “The maid brings the same cat that the woman has seen”; “The maid brings a different cat”; “The maid brings a cat which may or may not be the same”). Стаббс выступает на этом этапе эксперимента как один из его участников и сам определяет истинную пропозицию, отражающую событие, имевшее место в данном мире (*The second alternative accords with my understanding of the story: the big tortoise-shell cat which the maid brings does not sound like the kitty which the woman has gone to look for*). Далее Стаббс сетует на то, что участниками эксперимента были выделены только «экзистенциальные» пропозиции и что они не продемонстрировали свою литературную компетенцию и не выявили главного – о «чем», собственно, идет речь в этом рассказе Хемингуэя (*It is intuitively clear that Hemingway’s story is not “about” a woman fetching a cat out of the rain, although this is what most of the summaries report*).

Комментируя данные этого эксперимента в наших терминах, можно сказать, что для творчества Хемингуэя характерны художественные миры, которые не являются полностью сконструированными и требуют участия читателя в этом процессе. Участники эксперимента осуществили наблюдение за представленным миром и сформировали в своем сознании его адекватную ментальную репрезентацию в виде набора базовых пропозиций о нем – экзистенциальных пропозиций, отражающих текущий момент жизни персонажей в этом мире. Испытуемые не выявили главного (о «чем» этот текст) по той причине, что им не было дано задание реконструировать невыраженное содержание на основе имеющихся в тексте ориентиров, типа слова *kitty*, позволяющего выбрать единственную истинную пропозицию из трех, предложенных участниками эксперимента.

Когнитивная способность к выработке единой для всех наблюдателей ментальной репрезентации наблюдаемого мира была доказана многочисленными психолингвистическими экспериментами, подобными тому, который провел М. Стаббс. В них участникам, имеющим схожий образовательный и общекультурный уровень, предлагалось описать серию картинок или пересказать связный текст. Как правило, все подобные описания и пересказы базируются на одних и тех же пропозициях.

Итак, выработка одинаковых экзистенциальных пропозиций о мире разными воспринимающими и, соответственно, одинаковость описаний, пересказов событий, имевших ме-

сто в данном мире, – показатель того, что перед нами дискурсивный мониторинг данного мира, а не его дискурсивное конструирование.

Дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование можно объединить в одном понятии – дискурсивной репрезентации мира / действительности. Дискурсивная репрезентация по типу «отражение / мониторинг» – это дискурсивное представление действительности, которую говорящий застал как готовое произведение, как мир-без-меня. Для того чтобы вести дискурсивный мониторинг, человеку необходимо отстраниться от мира, провести между собой и миром границу и фиксировать происходящее в истинных пропозициях, отражающих фактичность данного мира. Когнитивный сценарий, лежащий в основе дискурсивного мониторинга мира, является отражательным по своей сути – это изоморфная ментальная репрезентация событий, произошедших в наблюдаемом мире. Если один и тот же мир воспринимают несколько наблюдателей, то в случае адекватного восприятия ими вырабатывается один и тот же отражательный сценарий событий, и, соответственно, пересказы событий разными наблюдателями будут иметь одну и ту же когнитивную основу. Одинаковые на когнитивном уровне, пересказы бывают практически одинаковыми и на языковом уровне, т.е. оформляются при помощи одних и тех же предложений.

Дискурсивная репрезентация по типу «конструирование» – это дискурсивное представление действительности, которая создается, формируется в данный момент самим говорящим / пишущим. Сценарий, лежащий в основе конструирования мира, является операциональным, в нем мир конструируется здесь и сейчас с помощью действий и дискурса.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
2. Боровикова К.В. Дискурсивный мониторинг мира говорящим / пишущим как наблюдателем (на материале спортивных репортажей в современных англоязычных средствах массовой информации) : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. : АСТ, СПб : Terra Fantastica, 2003. С. 220–546.
4. Гегель Г. Феноменология духа. М. : Наука, 2000.
5. Кузнецова В.В. Реализация принципа корпоративности в английском групповом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.

6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М. : Прогресс-Традиция, 2001.

7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента, Наука, 1999.

8. Плотникова С.Н. Я-Наблюдатель и Я-Конструктор : дискурсивный мониторинг и дискурсивное конструирование мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 14–18 июня 2005 г. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2005. Ч. 1. С. 101–107.

9. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1. Язык и познание : методологические проблемы и перспективы. М. : Гнозис, 2006. С. 66–81.

10. Плотникова С.Н. Дискурсивный мониторинг мира / миров // Концепт и культура : сб. науч. ст. IV Междунар. науч. конф. Кемерово, 7–8 окт. 2010 г. Кемерово : ИИТ. С. 450–454.

11. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Basil Blackwell, 1984.

12. White H. The modernist event and the flight from history // The Sheila Carmel Lectures 1988–1993 / Ed. by H. Wirth-Nesher. Tel-Aviv : Tel-Aviv University, 1995. P. 99–123.

* * *

1. Berger P., Lukman T. Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M. : Medium, 1995.

2. Borovikova K.V. Diskursivnyiy monitoring mira govoryaschim / pishuschim kak nablyudatelem (na materiale sportivnyih reportazhey v sovremennyih angloyazyichnyih sredstvakh massovoy informatsii) : dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2007.

3. Vitgenshteyn L. Filosofskie issledovaniya // Yazyiki kak obraz mira. M. : AST, SPb : Terra Fantastica, 2003. S. 220–546.

4. Gegel G. Fenomenologiya duha. M. : Nauka, 2000.

5. Kuznetsova V.V. Realizatsiya printsipa korporativnosti v angliyskom gruppovom diskurse : dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005.

6. Maturana U., Varela F. Drevo poznaniya. M. : Progress-Traditsiya, 2001.

7. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb. : Yuventa, Nauka, 1999.

8. Plotnikova S.N. Ya-Nablyudatel i Ya-Konstruktor : diskursivnyiy monitoring i diskursivnoe konstruirovaniye mira // Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika : materialy H Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 14–18 iyunya 2005 g. Irkutsk : Izd-vo VGUEP, 2005. Ch. 1. S. 101–107.

9. Plotnikova S.N. Kognitivno-diskursivnaya deyatelnost: nablyudeniye i konstruirovaniye // Studia Linguistica Cognitiva. Vyip. 1. Yazyik i poznanie : metodologicheskie problemy i perspektivy. M. : Gnozis, 2006. S. 66–81.

10. Plotnikova S.N. Diskursivnyiy monitoring mira / mirov // Kontsept i kultura : sb. nauch. st. IV Mezhdunar. nauch. konf. Keмеровo, 7–8 okt. 2010 g. Keмеровo : INT. S. 450–454.

11. Stubbs M. Discourse Analysis. The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford : Basil Blackwell, 1984.

12. White H. The modernist event and the flight from history // The Sheila Carmel Lectures 1988–1993 / Ed. by H. Wirth-Nesher. Tel-Aviv : Tel-Aviv University, 1995. P. 99–123.

Discursive construction as theoretical knowledge

There is argued that the relationships between discourse and societal structures are often indirect and highly complicated. Proceeding from this assumption there is raised the issue of discursive world construction as part of social world construction uncovering the way our everyday world and its phenomena, as well as imaginary and fictional worlds are discursive constructs.

Key words: *discursive construction, discursive monitoring, cognitive scenario.*

(Статья поступила в редакцию 20.02.2014)

Н.А. ГОРНОСТАЕВА, М.А. КУЛИНИЧ
(Самара)

ДАНЬ ПАМЯТИ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как жанр танатологического дискурса, который, в свою очередь, является составляющей частью ритуального дискурса, характеризуются надгробные речи. На материале траурных речей на смерть английских и американских государственных деятелей подробно рассмотрены структурные и прагматические признаки жанра.

Ключевые слова: *надгробная речь, ритуальный дискурс, танатологический дискурс, текст.*

В рамках ритуального дискурса, описанного В.И. Карасиком и М.Г. Извековой, мы считаем возможным выделить танатологический дискурс, который содержит все элементы предложенной В.И. Карасиком схемы: ха-